

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
ГУМАНИТАРНОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ОБРАЗЫ РОССИИ

В НАУЧНОМ, ХУДОЖЕСТВЕННОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

(ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА)

*Материалы научной конференции
(4—7 сентября 2000 года)*

ПЕТРОЗАВОДСК
2001

⁶ Гаспаров М. Маршак и время // Литературная учеба. 1994. № 6. С. 166.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Семейный уют лампа воплощает у М. Булгакова («Белая гвардия»), А. Толстого («Рукопись, найденная под кроватью»). А. Решетов посвятил книгу стихов «Керосиновые лампы» (М., 1918) «маме и керосиновой лампе».

⁹ Андреев Л. Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М., 1990. С. 391.

¹⁰ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 12. М., 1978. С. 113.

¹¹ «В двадцать пять небольших свечей // Электрическая лампадка» (Светлов М. А. Избранное. М., 1990. С. 24) — неперенный атрибут интерьера в книгах 20-х гг. о молодежи. Будущее в «Голубых городах» А. Толстого электрифицировано до предела.

¹² Кальм Д. БЭ да МЭ... С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений Т. 8. М.; Л., 1959. С. 200.

¹⁵ Ср.: «Бесстрастная стучит машинка, // Равня стройные слова» (Шенгели Г. Иноходец. М., 1997. С. 57); «весомо, грубо, зримо» пришедший в «сегодня» водопрод («Во весь голос» Маяковского).

¹⁶ «Завоевания техники даны в восприятии устаревших вещей, то есть... с точки зрения, ложность которой читателю очевидна... Идеология вещи не навязана, а является неизбежным результатом преодоления ложных точек зрения» (Бухштаб Б. Стихи для детей // Детская литература. М., 1931. С. 117).

¹⁷ Шварц Е. Живу беспокойно. С. 86.

¹⁸ Маршак С. Я. Т. 5. М., 1970. С. 142.

М. Л. ЛУРЬЕ

Санкт-Петербурге

ОБРАЗ ГОРОДА В СОВЕТСКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

Речь пойдет о песнях, посвященных различным городам, что заявлено в названиях и отражено в самих текстах. Традиция сочинять песни о городах — давняя и устойчивая. Не касаясь так называемой бардовской песни, рок-традиции, произведений «популярной эстрады», мы будем рассматривать песни советского времени — писавшиеся в огромном количестве, часто по заказу, санкционированно исполнявшиеся и публиковавшиеся в песенниках, авторских и тематических сборниках в 1930—1980-х гг. — а также мало чем отличающиеся от них, продолжающие именно это направление в отечественной песенной традиции произведения последнего десятилетия. Сразу оговорим,

что за пределы анализируемого материала, как слишком многочисленные и требующие отдельного разговора, выведены песни о Москве и Ленинграде (Петербурге).

Данная статья не преследует цели описать песенный портрет одного конкретного города, равно как и выявить полную поэтико-идеологическую парадигму «городской» песни как таковой. Мы хотим поделиться своими наблюдениями относительно некоторых наиболее устойчивых и частотных образов и мотивов, которые переходят из песни в песню независимо от того, о каком городе идет речь, в 50-х или 90-х гг. создан текст, является ли его автор профессиональным поэтом-песенником или нет. Выявление элементов текстовой стереотипии, позволяющее говорить о существовании традиционного «жанрового канона» и сделать первые шаги в его описании, должно, на наш взгляд, быть предпослано полноценному историко-типологическому исследованию, которого рассматриваемый материал, безусловно, заслуживает.

Заметим, что традиционные урбанистические атрибуты — многонаселенность, индустриальность, быстрый ритм жизни и т. п. — в текстах достаточно редки и фрагментарны. Песня вообще часто как бы размывает городские границы, метонимически смешивая (возможно, целенаправленно, с определенным идеологическим подтекстом) именование и характеристики города и окружающей его негородской местности: «край мой, родная сторонка» в песне «Родная Одесса моя», «земля елецкая, живи!» в «Гимне Ельцу», «с каким же мы краем на свете тебя, наша гордость, сравним» в песне «Одесса чудесная», «край раскинулся усинский» в «Песне об Усинске» и т. п.

Столь же единичны описания внутреннего строения городского пространства, обозначения таких его компонентов, как дома, улицы, площади и пр. (см. ниже о конкретных городских достопримечательных местах в любовно-лирическом контексте). Исключением, пожалуй, являются только садово-парковые элементы городского пейзажа, часто в качестве знаков города упоминаются декоративные кустарники и деревья (акация, черемуха, тополя, каштаны). Можно предположить, что причиной такой избирательной предпочтительности является семиотическая двоякость «зеленых насаждений» как объектов одновременно природных и антропогенных. Таким образом, сады, скверы и тополя оказываются едва ли не самым удачным знаком-маркером города, образ которого в песне моделируется на стыке двух кодов — природного и социального.

Поэтический арсенал жанра располагает набором клише, во-первых, ландшафтных (город у моря, город на реке, город среди степей, таежный город), астральных (небо над городом, над городом светят звезды, загораются зори), сезонных (осень в городе, весенний город) и т. д.; во-вторых, исторических (город-воин, город-щит, древний город, молодой город), антропологических (город мастеров, город невест, город моряков, молодежный город), культурных (в городе слышится песня, играет гармонь, горят огни, блестят купола) и пр. Все эти и другие устойчивые образные характеристики и выступают в качестве знаков «городского». Проиллюстрируем выборочно некоторые из них.

Чистое небо над городом

Такой лазурный небосвод
Сияет только над тобой,
Тбилиси мой, любимый и родной!¹

Голубое небо!
Синее море!
Белый город!
Он умеет любить, бороться и побеждать!²

Буровые в небе синем,
Только выйдешь за порог.
Край раскинулся Усинский
Возле сердца моего³.

Тенистые парки, зеленые скверы,
Дыхание теплых ветров...
Под парусом синим высокого неба
Плывешь ты в разливе садов⁴.

Звездное небо над городом

Нам бы в ночь весеннюю встретиться опять.
Теплым звездам киевским — вечно сиять!⁵

Ростов-город, Ростов-Дон!
Синий звездный небосклон⁶.

Звезды без счета и края
В небе развесит,
Ночи такие бывают
Только в Одессе⁷.

Огни города

Весь в огнях норильский вечер...⁸

Тула вся огнями светится,
Ивы дремлют над Упой,
Хорошо с тобою встретиться
В этот вечер голубой⁹.

За туманную дымкой мороза
Я твою различаю черты.
Это ты, моя молодость звездная,
В новых ярких огнях Воркуты¹⁰.

Так не горюйте, нежные невесты, —
Возвратятся моряки
В край родной, где возле города Одессы
Золотые светят огоньки¹¹.

Огоньки, огоньки, —
 Они всюду сверкают в Одессе,
 Огоньки, огоньки, —
 Ими залиты Порт и Пересыпь.
 На причале, на вокзале,
 На Одесском фестивале, —
 Всюду светят,
 Всюду светят огоньки¹².

В городе слышится песня

Над Ельцом всегда песня слышится¹³.
 Над твоими бульварами песни звенят,
 Тихо шепчут каштаны лишь для меня...¹⁴

При этом образные клише как бы притягиваются друг к другу, текст стремится к их накоплению:

На Дону-реке, кто не был,
 Кто в Ростове не бывал,
 Потерял кусочек неба,
 Слово песни потерял¹⁵.

Чудесно бродить синезвездною ночью,
 Касаясь плечом плеча.
 Огнями наш город родной раззолочен,
 Песни в нем звучат¹⁶.

В результате нанизывания шаблонных характеристик выстраивается такой портрет города, по которому порой просто невозможно опознать, о каком, собственно, месте идет речь. Приведем для примера текст одной песни, исключая припев.

Мы любим зарю огневую
 И зелень садов молодых,
 И славу твою боевую,
 И подвиги дней трудовых.

Мы любим детей яснооких
 И шорох цветущих ветвей,
 Простор черноморский широкий
 И даль урожайных степей.

Качает акации ветер
 Под небом твоим голубым.
 С каким же мы краем на свете
 Тебя, наша гордость, сравним¹⁷.

Если бы не «простор черноморский», не «даль степей» и не акации, — понять, о каком городе поется в песне, из суммы содержащихся в ней характеристик было бы практически невозможно, да и так допустимы многочисленные варианты. Текст довольно полно воспроизводит наиболее универсальные элементы канона, подходящие для построения «портрета» практически любого города.

Итак, значительный удельный вес в песенном образе города занимают знаки типовые. Замечательно, что при этом в песнях о городах все *унифицирующие* характеристики имеют статус *идентифицирующих*. Именно этот город славен своим мужеством в суровые годы, именно над этим городом такое чистое небо и такие яркие звезды, именно в этом городе всегда льется песня, когда идешь мимо зеленых тенистых садов, которых так много и которые так хороши именно в этом городе — особенно летом:

*В этом городе бродит
В белом облаке лето —
Это ветви черемух
Белоснежного цвета.
Зарождается песня
Здесь на улицах где-то,
На земле начинается
Сыктывкарское лето¹⁸.*

С точки зрения лирического героя этой песни, локальная атрибуция *лета* глубоко мотивирована, но с отстраненной позиции, с учетом жанровой стереотипии, она видится вполне произвольной: нетрудно представить, что вместо прилагательного «сыктывкарское» может быть подставлено любое другое подходящее ритмически — «краснодарское», «новгородское», «магаданское», «вологодское» — и это не повлечет за собой каких бы то ни было содержательных потерь или нарушений.

Возникает вопрос: каким образом сглаживается или снимается противоречие между нулевым дифференцирующим потенциалом знаков и их функцией присвоения тому или иному городу показателей уникальности? Дело в том, что последний приведенный пример — не исключение: в большинстве текстов присутствует четко обозначенная фигура лирического героя, и содержание, по сути, определяет не «рассказ» о городе, не «описание» города, а связанные с ним воспоминания, переживания, суждения. В результате разные города в песнях предстают похожими, как близнецы, ибо все «субъективные реакции» и «биографические ситуации» предельно клишированы, и при этом типизированный антураж, включенный в лирический текст, представлен как неповторимый, свойственный только данному городскому пространству.

Герой и город в песенном тексте находятся в отношениях лирической притягательности, что манифестируется в названиях, нередко построенных по формуле «N-ская лирическая» («Гульская лирическая», «Томская лирическая» и т. д.) и еще чаще включающих в себя прилагательные «родной», «любимый» и местоимения первого лица («Родной Севастополь», «Здравствуй, город родной», «Мой любимый Орел», «Мой родной город», «Родная Одесса моя»),

«О городе моем», «Песня о моем городе», «Мой город» (это название носят по меньшей мере две песни), «Наш Брянск», «Моя молодая Ухта», «Мы из Сум», «Мы — из Одессы моряки», «Тула — родина моя» и т. п.).

По нашим наблюдениям, наиболее частотными в таких песнях являются две позиции, субъективирующие городское пространство и время. Их можно обозначить так: «город (моей) любви» и «город (моего) детства и юности», причем эти позиции нередко мотивируют и поддерживают друг друга. Одна из них — «город любви» — оформляется двумя сюжетными ситуациями.

1. В городе N живет возлюбленная

Где же моя темноглазая, где?

В Вологде-где-где-где

В Вологде-где,

В доме, где резной палисад.¹⁹

Эх, в Рязани синие глаза,

Широка Ока в Рязани.

Очи — бирюза²⁰.

Разработка этой исходной ситуации — приезд (возвращение) к возлюбленной в ее город:

Чтоб ни случилось, я к милой приду

В Вологду-гду-гду-гду

В Вологду-гду,

Сам я за ответом приду²¹.

Вновь в родимый дом вернуся,

Что на свете лишь один,

Возвращуся я, Маруся,

К вам в Рязань через Берлин!²²

Я приехал на свиданье

К милой в Новгород.

Ты прости за опозданье —

Не нашел ворот²³.

Стремление соединиться с возлюбленной реализуется как намерение прибыть (вернуться) в ее город, в чем видится еще один случай ситуализации метафоры «женщина — город», «вхождение в город — овладение женщиной». Добавим, что эта метафора может поддерживаться и на уровне тропов — прелести любимой сравниваются с красотами города:

Волхвяночка родная,

Где глаза твои, не знаю,

Потерял их в новгородской синеве²⁴.

Мотив возвращения в город, где ждет возлюбленная, особенно характерен для песен об Одессе, где все мужское население, согласно песенному образу

города, — моряки, постоянно то уходящие в плавание, то прибывающие из него:

*Студентка у лестницы ждет моряка:
Ужель он такой ненадежный?
А с палубы «Грузии» издалика
Доносится вальс молодежный.*

<...>

*Сегодня как раз опоздал паренек
И думает: — Кончится скверно.
А девушка тихо бросает упрек:
— С другой танцевал ты, наверно...
Виновный матрос от стыда покраснел:
— Пойми, ну какие там танцы,
Хоть я задержался, но сделать сумел
Еще один рейс до Констанцы!²⁵*

*Вы любую морячку спросите,
Как умеют любить одесситы,
Как являются в город желанный,
Черноморскою страстью горя...²⁶*

В последнем примере, как нетрудно заметить, между женщиной как объектом желания и городом устанавливаются отношения метонимического параллелизма: «город желанный».

2. В городе N протекает (протекал) роман

Чаще всего любовь в городе, на фоне города рисуется сценами свидания-прогулки:

*По Одессе родной
Мы гуляли с тобой,
Цвел над нами густой каштан...²⁷*

*Тихо плещет волна,
Ярко светит луна,
Мы вдоль берега моря идем...²⁸*

*Иду я с ней медленно вечерним бульваром
И тихо пою ей о городе старом²⁹.*

*По бульвару очень медленно
Мы пройдем, мой друг, с тобой.
Скоро ночь фатой серебряной
Укроет простор морской³⁰.*

*Весь в огнях Норильский вечер,
Вдоль огней с тобой иду...³¹*

*Для любви не надо счастья большего,
Чем бродить над речкой Цной.
Я люблю тебя, Тамбовщина,
А особенно — весной³².*

Город как бы становится «облюбленным» и тем самым включается в интимный текст как своего рода территория любви — романтически сакрализованное пространство, ассоциируемое с конкретным романом. Эти коннотации городского пространства могут усиливаться за счет его дробления или сужения: например, в песне о Краснодаре говорится об «улице первой любви». При этом наряду с условными (скамейка, улица, берег, сад) привлекаются и наиболее известные и значимые для данного городского текста реальные локусы, что как бы уточняет и детализирует маршруты городских перемещений влюбленных:

*Век не забуду бульвар и маяк,
Огни парходства живые,
Скамейку, где мне дорогая моя
В глаза посмотрела впервые...³³*

Вторая из названных позиций, включающих город в интимно-лирический текст, — «город детства»:

*В Туле улица есть, где прошло наше детство,
Где гоняла мячи во дворах ребятня...
Я хочу в эту улицу снова взглянуться,
И она непременно припомнит меня³⁴.*

*Корабельной сирены доносится звук,
Тихо кружатся листья платанов.
Здравствуй, юность моя — город встреч и разлук...³⁵*

*Ах, город юности моей —
Златая нить воспоминаний!³⁶*

*Иду я к заветному дому
У светлой, как детство, реки...³⁷*

*Ой вы, ночи, донецкие ночи,
Мои юные года!³⁸*

Характерно, что даже если город не является для лирического героя родным в прямом смысле слова, то он в силу тех или иных причин осознается как родина. В этом плане показательным сравнение двух песен, посвященных одному городу: «Томский вальс», где речь ведется от лица томича, и «Томская лирическая», герой которой — приезжий (что выясняется, правда, в самом конце).

*Сибирский простор величавый
Разлив наших солнечных рек,
Где славен делами по праву
Человек.*

Припев: *Город над Томью,
Город над Томью,
Наши дела и мечты,
Юностью Томска, первой любовью
В сердце останешься ты*³⁹.

*Проносится ветер над синим простором,
Тайга вековая шумит,
И нашим с тобой открывается взорам
Город на Томи.*

Припев: *Здесь мы жили, здесь учились,
Здесь влюбились в своих подруг.
Овеян легендой город студентов —
Юности нашей друг*⁴⁰.

Набор характеризующих знаков, определительных формул, ключевых слов — в целом один и тот же: «простор величавый» — «синий простор», «город над Томью» — «город на Томи», «первая любовь» — «здесь влюбились», неизменное лирическое «ты» и, наконец, две зеркальные формулы — «юностью Томска... останешься ты» — «город... юности нашей друг». В третьем куплете «Томской лирической» временный обитатель города студентов уже называет его «городом нашим родным», а в припеве мотивируется, почему чужой для приезжего город стал родиной — здесь студент пережил второе, духовное рождение:

*Он настанет, час прощания,
Томску ниже, студент, поклонись,
Мы в Томске учились, мы в нем получили
Путевку в жизнь*⁴¹.

Первая любовь — а любовь в песнях про город всегда первая — также один из атрибутов родного места (вспомним знаменитую «С чего начинается Родина?» с ее «заветной скамьей у ворот»).

*Вот в этом городе прошло мое детство.
Помню: с друзьями всюду бродил.*

<...>

*О, милый город, один ты все знал,
Как на тихонькой улице я любовь повстречал*⁴².
*Не забыть мне тульскую сторонку,
Где родные, близкие живут.
Соловьи над речкою Воронкой
Голосисто в зарослях поют.
Не смолкает птичье щебетанье,
От цветов хмелеет голова.
Вечерком желанное свиданье,
От души идущие слова*⁴³.

Устойчивый мотив воспоминания («помню...», «не забыть мне...») здесь не случаен: отношения с городом детства и юности, с городом-родиной всегда окрашены особым лирическим драматизмом. Даже если герой не отрывается от родного места, все равно, взрослея, он неизбежно утрачивает с ним ту связь, которая так остро ощущалась в детстве. И наоборот: если герой покидает малую родину, родимый город (особенно если он провинциальный) не дает забыть себя, метафизически преследуя блудного сына (как называет себя лирический герой одной из песен о Ельце):

В России есть город, который навечно

В сердцах наших свято храним.

И каждое утро, и каждый наш вечер

*Повсюду на свете мы с ним*⁴⁵.

Где бы мы, товарищ, не были с тобой,

Все же нам из детства, из туманной дали,

Городок районный, городок родной,

*Часто в сны приходит на свиданье*⁴⁶.

Разумеется, список композиционных схем и поэтических общих мест песен о городе далеко не исчерпывается теми, которые удалось продемонстрировать в рамках этой небольшой статьи. Мы попытались по возможности представить материал, не подвергавшийся до сих пор специальному анализу и, безусловно, заслуживающий большего внимания. При этом, говоря о поэтике и идеологии советской песни о городе, мы должны отдавать себе отчет в том, что имеем дело с предметом глубоко неоригинальным. Так, большинство вышеперечисленных образных стереотипов, поэтических клише, элементарных мотивов не являются ни специфичными для песенной поэтики, ни исключительно принадлежащими культурным концептом города (ср., например, известные строки из песен: «Над Россией небо синее...» и «Над Канадой небо синее...»). Все это по большей части элементы универсальной поэтической топики населенного места, жилого пространства — будь то город, деревня, край или страна, часть которых в конечном итоге восходит к романтической образной системе (можно вспомнить, к примеру, лермонтовские «дрожащие огни печальных деревень» и многое другое). Советская песня о городе использовала все, что вписывалось в идеологическую парадигму и могло пойти в дело, — от традиционной поэтической образности до штампов советской публицистики, — что ничуть не помешало ей, на основе всего учтенного, выработать собственные достаточно устойчивые каноны. Без них этот своеобразный «субжанр» не набрал бы такую силу: количество написанных за полвека песен исчисляется сотнями, и, судя по интенсивности порождения новых локальнопатриотических песен в последнее десятилетие, традиция (или ее инерция) не ослабевает и в наши дни.

¹ Песня о Тбилиси / Муз. Р. Лагидзе; Сл. П. Грузинского в переводе М. Квалишвили // Песни наших дней: (мелодии и тексты) / Сост. О. Ф. Агафонов и др. М., 1986. С. 153.

² Поэма о Севастополе / Муз. И. Драго; Сл. И. Бараха // Легендарный Севастополь: Вокальные произведения: [Для пения (соло, хор)] в сопровождении фортепьяно [баяна] / Сост. И. Б. Драго. Киев, 1983. С. 11.

³ Песня об Усинске / Муз. Я. Перепелицы; Сл. В. Кушманова // Перепелица Я. Красная рябина: Песни. Сыктывкар, 1986. С. 27.

⁴ Песня о Краснодаре / Муз. В. Пономарева; Сл. К. Обойщикова // Мой город родной: песни о городах: для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна) / Сост. К. Соймонов. М., 1980. С. 37.

⁵ Киевский вальс / Муз. П. Майбороды; Сл. А. Малышко в переводе Г. Литвака // Песни наших дней. С. 152.

⁶ Ростов-город / Муз. М. Блантера; Сл. А. Софронова // Об огнях-пожарищах...: Песни войны и победы / Сост. Г. П. Любарев и М. М. Панфилова. М., 1994. С. 323.

⁷ Только в Одессе / Муз. И. Асеева-Донского; Сл. К. Иванова // Песни об Одессе. Киев, 1964. С. 47.

⁸ Норильский вальс / Муз. Ю. Чичкова; Сл. В. Котова // Чичков Ю. Песни для голоса в сопровождении фортепьяно. М., 1971. С. 64.

⁹ Тульская лирическая / Муз. И. Савостина; Сл. В. Галкина // Цвети, наш край: репертуарный сборник. М., 1954. С. 58.

¹⁰ Песня о Воркуте / Муз. Я. Перепелицы; Сл. А. Клейна // Перепелица Я. Красная рябина: Песни. С. 18.

¹¹ Золотые огоньки / Муз. В. Соловьева-Седого; Сл. А. Фатьянова и С. Фогельсона // Соловьев-Седой В. Золотые огоньки. Л., 1950. С. 4.

¹² Огоньки / Муз. Ю. Владимирова; Сл. К. Иванова // Збірник пісень одеських композиторів. Одеса, 1957. С. 71.

¹³ Песнь о Ельце / Муз. А. Бурцева; Сл. Л. Янкиной // Елецкая быль: Вып. пятый: Песни о городе / Ред. В. П. Горлов. Елец, 1996. С. 16.

¹⁴ Мой город родной / Муз. О. Красотова; Сл. И. Криворотского в переводе И. Кротова // Песни об Одессе. С. 39.

¹⁵ Песня о Ростове / Муз. К. Кромского; Сл. М. Рейтмана // Мой город родной: песни о городах. С. 34.

¹⁶ Томская лирическая / Муз. М. В. Лавриненко; Сл. В. Иванова // Навстречу фестивалю молодежи: Звени, наша песня: Сборник песен местных композиторов. Томск, 1956. С. 31.

¹⁷ Одесса чудесная / Муз. Н. Гржибовского; Сл. Н. Щербаня в переводе И. Титовой // Песни об Одессе. С. 36.

¹⁸ Сыктывкарское лето / Муз. Я. Перепелицы; Сл. В. Кушманова // Перепелица Я. Красная рябина: Песни. С. 15.

¹⁹ Вологда / Муз. Б. Мокроусова; Сл. М. Матусовского // Я хочу, чтобы песни звучали...: Застольные песни. Харьков; Ростов н/Д.; Киев, 2000. С. 289.

²⁰ Рязаночка / Муз. Л. Бакалова; Сл. Я. Белинского // Об огнях-пожарищах... С. 36.

²¹ Вологда.

- ²² Рязаночка.
- ²³ Новый город — Новгород / Муз. Г. Пономаренко; Сл. В. Семернина // Мой город родной. С. 19.
- ²⁴ Новый город — Новгород.
- ²⁵ Одесский вальс / Муз. А. Каценко; Сл. В. Бершадского, А. Уварова // Збірник пісень одеських композиторів. С. 87.
- ²⁶ Одесситы / Муз. А. Пахмутовой; Сл. Б. Яроцкого // Пахмутова А. Песни: для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна). М., 1986. С. 71.
- ²⁷ Одесский вальс / Муз. Ф. Макаревича; Сл. Л. Барабанова // Збірник пісень одеських композиторів. С. 63.
- ²⁸ Севастопольский вальс / Муз. К. Листова, сл. Г. Рублева // Легендарный Севастополь. С. 40.
- ²⁹ Вечерний Елец / Муз. Ю. Моргачева; Сл. Ю. Моргачева и А. Прокуратова // Елецкая быль: Вып. пятый. С. 87.
- ³⁰ Только в Одессе.
- ³¹ Норильский вальс.
- ³² У города Тамбова / Муз. Ю. Чичкова; Сл. В. Семернина // Чичков Ю. Песни для голоса в сопровождении фортепьяно. С. 15.
- ³³ У черного моря / Муз. М. Табачникова; Сл. С. Кирсанова // Об огнях-пожарищах... С. 174.
- ³⁴ Тульская улица / Муз. Л. Бобылева; Сл. Ю. Щелокова // Тула — родина моя: Сборник песен. Тула, 1977. С. 29.
- ³⁵ Мой город / Муз. Т. Сидоренко-Малюкова; Сл. И. Рядченко // Песни об Одессе. С. 5.
- ³⁶ Елец. Городской романс / Муз. А. Почтарева, сл. П. Солнцева // Елецкая быль. С. 35.
- ³⁷ Песня о Краснодаре.
- ³⁸ Донецкие ночи / Муз. И. Шамо; Сл. Д. Луценко в переводе В. Семернина // Шамо И. Лирические песни. М., 1963. С. 23.
- ³⁹ Томский вальс / Муз. В. Мурадели; Сл. В. Пухначева // Мурадели В. Песни: Для голоса (хора) в сопровождении фортепьяно (баяна). Т. II / Сост. А. Тищенко. М., 1980. С. 111.
- ⁴⁰ Томская лирическая.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Вечерний Елец.
- ⁴³ Тульская сторонка / Муз. К. Листова; Сл. С. Алымова // К. Листов. Тульская сторонка: Для голоса с фортепьяно. М., 1954. С. 6.
- ⁴⁴ Живи, Елец! / Муз. Т. Хренникова; Сл. Я. Халецкого // Елецкая быль. Непагнированная вставка между с. 64 и 65.
- ⁴⁵ Городок районный / Муз. В. Букина; Сл. М. Пляцковского // Букин В. Любовь моя, любовь...: Избранные песни для голоса в сопровождении фортепьяно (гитары). М., 1981. С. 37.